

Путь

Я проснулся в ночи,
Встревоженный зовом
Манящим.
Незнакомая женщина
Мне говорила:
«Пора!»
Я оставил дом
И отправился на вокзал
Железнодорожный.
Я изучил расписание всех поездов,
Но ни один из них
Не отправлялся туда,
Куда
Звал голос.
Я поехал в аэропорт.
Наверное,
Там я смогу сесть на самолёт,
Которой отвезёт меня
К тайной возлюбленной.
Но—
Увы!—
И там меня ожидала неудача
.. Между тем её голос
Терзал
Мой измученный мозг:
«Ты не там меня ищешь,
Ты слишком
Привязан к земле...»
Я к небу вознёс глаза
И среди множества подобных
Безошибочно
Узнал её,
Точнее—
Почувствовал сердцем.
Она
Воспламенила мою душу
Лиловым светом.
И я осознал:
Меня ожидает
Долгое путешествие.
Я даже не знал, с какого вокзала
Предстоит
Отправиться в путь.
Но почему-то
Я не был
Счастлив.

Сомнамбулический этюд

О этот вездесущий дождь!
Он прилетает к нам с высокого неба.
Он разбивается на сетчатках наших глаз.
Он проникает в тишину наших мыслей,
Он не уходит от нас,
Он изгой.
Отторгнутый небом, он ищет пристанища здесь.
Пожалеем его и слегка отворим окно.
Отворим ровно настолько,
Чтобы светлая тростинка, подобная лучу,
Опустилась на наши ладони.
Пожалеем его.
Ибо в нём—сокровенная наша печаль,
Беспредельная скорбь
И томленье отторгнутых душ.
Пожалеем его—
Обречённую память веков.

Дождь вытекает из туч, подобно глазу,
уподобляется умирающему человеку, обретает
спокойствие и превращается в слух. Он
ожидает чуда. И соразмерность движений его
объясняется страхом. Предчувствием полон
дождь. Предчувствием полон. Прикуриваю
сигарету. Разглядываю колеблющийся контур
зажжённой спички. Затягиваюсь. И действия
мои излучают неторопливость сфинкса,
затиснутого в чёрный провал египетской
ночи. Затем отстраняю руку, едва касаюсь
пепельницы, и тускнеющая головка спички
растворяется в ворсистой тьме.

В душе моей осень.
В глазах дождь.
А на сердце—ты, как камень.
Я спрашиваю себя: «Что делать?»
Ты пожимаешь во мне плечами.
«Дождь»,— говоришь ты
И проходишь мимо
Во мне.
И странно
Проходит всё—
Дождь,
Ты,
Жизнь.

Язык

В Вашем одиночестве,
Гулком,
Как тысяча коридоров,
Находит пристанище
Моё пустословие,
Обыденное,
Как разрезанный
Надвое
Апельсин.
Бескостный язык,
Изготовленный
По принципу
Половой тряпки
И привинченный к небу
Двумя большими болтами,
Имеет удивительную способность
Ворочаться в разные стороны
И при этом
Издавать
Вполне членораздельные звуки.
Иногда мне хочется
Выскоблить его
Оттуда
Чем-нибудь острым,
Но я
Ненавижу боль.

Ваш голос

Когда я слышу ваш голос,
Пьянящее чувство восторга
Поднимает меня
На крыльях невыразимых ощущений
Высоко над миром,
И я расстаюсь
С суетой жизни
Легко,
Словно пробил мой смертный час
И передо мной
Отворились
Прекрасные двери
Эдема.

Была ночь

Была ночь.
Мы ели
Испечённый в кара хлеб
И говорили
О Хлебникове.
Сонные звёзды
Спотыкались о выступы
Скал
И падали
В неведомое.
Была ночь.
Казалось,
Я только что родился.

Слепой дождь

Триптих

Ты был такой застенчивый,
Немногословный,
Прятался в лучах раздражённого солнца
И делал всё,
Чтобы не обращать на себя
Внимания.
Ты чего-то стыдился,
Мой дождь!
Или боялся
И так неумело
Скрывал свою робость,
Пробегая по листьям акаций,
Что от волненья едва их касался,
Изумрудно вскипая
На тонких ладошках,
Сникал и стекал
Торопливо,
Бесцветно,
Как школьница-скромница,
Дождь мой.

Ах ты! Убежал,
Непеседа.
Убежал
С высокого неба.
Растворился
В олове полдня,
Затерялся
В золоте поля.
И вернуться обратно
Не хочешь,
И над небом родным
Хохочешь!
Мама-облачко,
Бледная с горя,
Обронила на землю
Взор свой.
Ищет, ищет она
Сыночка
По ущельям,
По мшистым кочкам.
На утёсы глядит
С надеждой:
«Покажись, непослушный.
Где ты?»
Только ты не спешишь
С ответом.
Подружился
С весёлым ветром
И, забыв про небесную просинь,
Беззаботно целуешь
Колосья.

● ● ●
О тонконогий мой!
Ты падал с высоты
На землю пыльную,
На пыльные листья,
И золотился
В розовых лучах,
И был беспомощен,
Как слёзы
На глазах,
И я тебя,
Увы,
Не узнавал,
Не знал,
Какой недуг тебя сковал.
И даже руки,
Лодочкой сложив,
К тебе протягивал,
Надежду затаив,
Что вот сейчас
Коснёшься ты меня—
И оживёшь,
И обретёшь себя...
Но мимо,
Мимо
Пронесился ты,
Беззвучно падал
В блёклые кусты
И, не взглянув ни разу
На меня,
Терялся в зыбком красноцветье
Дня.

● ● ●
Нет,
Не сидел мой дед
На горной вершине,
Подобно орлу,
И не произносил
Хрестоматийных фраз,
Которые выдумывались
Впоследствии
Кем-то.
Был он лудильщиком,
Много работал,
И руки его,
Изъеденные кислотой,
Напоминали сморщенную древесину,
Размоченную в воде.
Им было знакомо солнце,
Рождённое заново
На медной спине саргаса.

Сиреневый катафалк

Ты видела:
Был алым небосвод.
Последний день весны
Летел к закату.
И поминальную
Над бездною покатою
Пел альбатросов
Светлый хоровод.
Казалось, там,
За светлую грядой,
Где горизонт
Сливался с небесами,
На нас глядело
Скорбными глазами
Подобье наше,
Слитое с водой.
Ты видела,
Как долго путь назад.
Шагов прощальных
Трепетная леность,
Отчаянье,
Застывшее в глазах,
И пустота
Длиною в бесконечность.
Ты слышала?
Ты слышала потом,
Под утро,
Пробуждаясь от сомнений,
За окнами
Какое-то волненье
И вздохи,
Различимые с трудом.
Ты слышала?
Ты слышала, скажи,
Как по асфальту,
Бронзою отлит,
Степенный
Раздавался звон копыт
И тишина
Ползла,
Крадучись, следом,
День встречая жаркий?..
То бедную.
Везли мою любовь
В сиреновом,
Как сумрак,
Катафалке.